

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ВАЛЬКИНЫ
ДРУЗЬЯ И
ПАРУСА

Владислав Крапивин

Валькины друзья и паруса

«Автор»

1966

Крапивин В. П.

Валькины друзья и паруса / В. П. Крапивин — «Автор», 1966

У Вальки есть две страсти: парусные корабли и барабаны. А это значит, что его и его товарищей (Андрюшку, Павлика, Юрку...) ждет множество приключений... Жизнь открывает свои объятия перед Валькой и его друзьями.

© Крапивин В. П., 1966

© Автор, 1966

Содержание

Начало. Барабанщики	5
Рассвет. Андрюшка	11
Август. Песчаный город	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владислав Крапивин

Валькины друзья и паруса

Начало. Барабанщики

Барабанщики шли встречать солнце...

Об этом надо рассказать сейчас. После будет некогда. Речь пойдёт о зимних синих расветах, о песчаном городе с цветными стёклами, о двухмачтовой марсельной шхуне, о предательстве и дружбе и о том, как трудно держать в руке огонь.

А о барабанщиках придётся вспомнить всего один раз. Тогда уже не будет времени, чтобы всё объяснять. Лучше рассказать о них сразу.

Итак, барабанщики шли встречать солнце. Валька шёл за ними.

Он шагал по колено в траве, холодной и жёсткой. Пробирался по кустам. Трава и кусты были сплошь в росе. С листьев, будто с маленьких ладоней, скатывались тысячи тяжёлых капель. Валька вздрагивал, ёжился, но шагал и шагал, прикрывая локтем лицо от хлестких веток.

Он не знал дороги и боялся отстать.

Валькина рубашка и тонкие полотняные штаны уже насквозь пропитались росой. Тапочки раскисли и стали скользкими. Ноги горели от царапин. Кровь проступала мелкими каплями, и они висели на царапинах, словно бусинки на нитках.

Путь к реке лежал через вырубку с невысокой берёзовой порослью и широкие поляны. Среди кустов, над травами. Валька видел впереди барабанщиков.

Они двигались редкой растянутой цепью. Шли без разговоров и переключки, размашистым лёгким шагом. Перескакивали через пни и ямы, огибали чёрные шапки кустарников. Шли прямо туда, где разгорались разноцветные полосы рассвета.

В этом быстром и молчаливом движении была торжественность и непонятная тревога. Словно солнце могло не взойти, если барабанщики опоздают.

Но они никогда не опаздывали к восходу.

Каждый год в начале каждой смены наступало утро, когда сводный отряд барабанщиков поднимался ещё до рассвета. В окнах ползли серые сумерки и гасли звёзды. Несколько человек откидывали одеяла. Это были опытные барабанщики – они приезжали в лагерь не первый раз. Они бесшумно и безжалостно будили новичков. Потом пробирались в дачу к малышам и выносили на руках барабанщиков октябрятских отрядов – вместе с барабанами и одеждой. Стояла тишина, только барабаны, цепляясь за косяки, негромко и встревоженно гудели.

Малышей приводили в чувство на крыльце:

– Тихо ты... Стой и не хнычь. Сам ведь вчера просился. Будешь ты стоять, наконец? Ребята, волоките его назад...

– Не-е...

– Если «не», надевай штаны. А ботинки где?

Потом они строились за оградой. Барабанщики-сигналисты, барабанщики знаменосной группы, барабанщики отрядов.

– Все готовы?

– Готовы!

– На левом фланге не спят?

– Проснулись!

– Внимание, отряд... К востоку лицом... цепью... пошли!

Так было всегда. С тех пор, как появился в этих лесах пионерский лагерь «Рассветный». А появился он давно – первые барабанщики его уже выросли. Никто теперь не помнил, откуда повелось встречать солнце весёлой барабанной дробью. Но обычай этот стал законом, который не могли отменить самые суровые начальники и самые непреклонные врачи.

Валька не был барабанщиком. Он не мог им быть. Но когда он узнал про их строгий и немного таинственный обычай, что – то шевельнулось у него в душе. Какое– то беспокойное чувство, похожее на зависть. Но нет, не зависть. Скорее острая грусть от того, что не может пойти вместе с ними.

Барабанщики, встречающие рассвет...

Валька понимал, что сводный отряд недоступен для него, но беспокойство не проходило. И в три часа утра Валька проснулся от ясной тревоги, что он может опоздать. Он увидел, как с кровати скользнул барабанщик третьего отряда Генка Соловьёв, и вспомнил всё.

Небо на восходе разгоралось. Разноцветные полосы тонких облаков растворились в ровном пламени рассвета.

Дальние кусты уже не казались чёрными. Загоралась роса.

Барабанщики пошли медленнее. Цепь разорвалась, и каждый шёл сам по себе. Многие первый раз видели июньский восход.

Вальке стало труднее прятаться. Ему пришлось обойти стороной громадную поляну, чтобы незамеченным добраться до прибрежной полосы кустов. Но он обогнал ребят и первый вышел к реке.

За рекой, по тёмному гребню леса, уже растекалось жидкое золото– предвестник очень близкого солнца. А реки не было видно под косматой шубой тумана.

Барабанщики по одному выходили на берег.

Валька отошёл и скрылся в густом переплетении веток. Снова посыпалась роса, но он уже привык и даже не вздрагивал.

Барабанщики встали редкой ломаной линией у края обрыва. Левофланговый оказался в десяти шагах от Вальки. Маленький, один из тех, кого будили уже на крыльце. В наспех зашнурованных ботинках и в рубашке с косо застёгнутым воротом. У него было напряжённое серьёзное лицо с пухлыми, но плотно сжатыми губами. А коротенькие светлые волосы смешно топорщились. Он мог бы показаться кому–нибудь забавным из–за своей слишком усердной серьёзности. Но не Вальке. Валька понимал.

Малыш стоял с низко наклонённой головой и опущенными руками. В каждой руке – палочка. Так же стояли и другие. Девятнадцать неподвижных, молчаливых барабанщиков. О чём они думали? Почему вдруг перед самым восходом подкралась грустная минута? Или так полагалось? Валька не успел понять.

Рра-рах! – отчётливо сказал на правом фланге барабан. Маленький левофланговый вскинул голову и торопливо поднял палочки.

Дзамм... Та-та... – откликнулись ещё два барабана.

Дд-дам, да-дах... – ответил ещё один. У каждого был свой голос.

Барабанщики стояли теперь с поднятыми головами, будто прислушивались: не откликнется ли кто–нибудь с того берега? То один, то другой посылал короткую и требовательную дробь. Это был им одним понятный разговор.

Та-та-та-та... – осторожно выбил и маленький Валькин сосед.

Барабанные сигналы становились всё длиннее и чаще, сливались, крепили, и Валька вдруг уловил в этом беспорядочном треске и гуденье твёрдый и увлекающий ритм. Ровно, негромко и уже непрерывно рокотали барабаны новичков. Чёткими и размеренными ударами разбивали

этот рокот старшие отрядные барабанщики. А два сигналиста то коротко, то раскатисто, с разными перерывами выговаривали что-то непонятное, но праздничное.

Вальке показалось, что с барабанов сыплются и прыгают по берегу тысячи весёлых жёлтых горошин.

Он забыл, что надо прятаться, и стоял теперь среди веток, открытый по грудь. Но его не видели. Все смотрели вперёд, за реку, за леса, и левофланговый малыш смотрел туда же. А палочки его ровно плясали на белой коже нового барабана.

Уже научился, – с неожиданной ласковостью подумал Валька.

Яркий свет прошёл волной по лицу маленького барабанщика. Заблестел весёлыми точками в сощурившихся глазах и даже на кончиках ресниц зажёг крошечные искры.

Валька взглянул на горизонт. Там стремительно вставало солнце. Чистое, не тронутое красным налётом.

Туман, не ожидавший такого быстрого восхода, испуганно взвихрился длинными спилями и начал рваться на куски. Жёлтым стеклом засветилась чистая вода. Барабаны торжественно взревели, разбудили наконец дальнейшее многоступенчатое эхо и разом оборвали грохот.

Несколько долгих секунд стояла тишина. Потом она разлетелась от криков и смеха. Это был обычный беспорядочный шум, как на школьном дворе после длинного урока. Но смеялись и переговаривались, всё ещё глядя на солнце.

Только сейчас Валька заметил, что среди барабанщиков есть несколько девчонок. И был один человек без барабана. Повыше остальных ребят, смуглый, темноволосый, в зелёной рубашке. Похожий на кубинца. Валька узнал его: это был один из вожатых. Другие вожатые и воспитатели звали его Сашей, а все ребята называли его немного странно – Сандро. И это имя ему как-то очень подходило.

– Сандро, – вежливо сказала тонкая длинноногая девчонка, – как ты думаешь, зачем Петька Бревнов стучит меня барабаном по голове?

– Ябеда! – откликнулся коренастый Петька и деловито объяснил: – Я хотел узнать, что гудит сильнее.

Девчонка погналась за ним, и они помчались в сторону Валькиных кустов. Валька присел.

– Ну, дикие!... – неодобрительно произнёс маленький барабанщик. Он стоял на колене, отложив барабан, и перешнуровывал ботинок.

Петька и девчонка сделали круг и снова проскочили, чуть не сбив малыша.

– Вы, страусы! – крикнул он и сердито вскочил.

И зацепил пяткой барабан.

Барабан стал на ребро. Качнулся. И нехотя покатился к обрыву.

Он упал бы в воду у самого берега, но на пути встретил маленький выступ и прыгнул с него, как с трамплина.

Валька вовсе ни о чём не думал. Он увидел растерянные глаза обернувшегося мальчишки и понял: тот сейчас прыгнет. И прыгнул сам.

Он точно рассчитал: угодил в одинокий куст черёмухи, росший на середине откоса. Испарался, но замедлил скорость и съехал к воде на лавине из песка и комьев глины.

Вода оказалась совсем не холодной. Течение легко обняло Вальку, повернуло, и он увидел барабан. Недалеко, метрах в десяти. Барабан сиял красными мокрыми боками и легкомысленно приплясывал на маленьких волнах, которые кругами разошлись от Вальки.

Валька догнал его, ухватил за ляжку и стал выгребать к песчаной полосе ниже по течению. Он плыл и видел, как вниз сыплются ребята. Их криков он не понимал и думал совсем о другом: о том, что берег, оказывается, весь в чёрных сотах стрижиных гнёзд.

Потом он вышел на песок, вытряс воду из барабана и стал смотреть на подбегавших ребят.
– Это наш Валька Бегунов, – выдохнул запыхавшийся Генка Соловьёв. – Вот это да!
– Откуда ты. Валька Бегунов? – спросил Сандро, и в голосе его почудилась усмешка.
– Оттуда... из лагеря, – тихо сказал Валька и стал смотреть на барабан.
– Ясно, – произнёс так же тихо Сандро. – А зачем тебя в воду понесло? Барабан бы и так прибило к берегу.

Валька глянул назад и сразу понял, что прыжок его оказался ненужным и смешным. Здесь был изгиб реки, и течение выбрасывало на песок всё, что плыло у правого берега.

Валька повернулся и пожал плечами. Что он мог сказать?

– Ладно, пошли наверх, – бросил Сандро.

– А знаете, он ведь из-за этого типа в воду сиганул, – неторопливо сказал серьёзный художавый паренёк, один из самых старших. Он показал на маленького виноватого барабанщика. – Из-за него, точно. Этот уже сам лыжи наострил, да я ухватил его за шиворот.

Малыш тяжело засопел и начал теревить на рубашке эмалевую звёздочку.

– Нечего теперь пыхтеть, – сказали ему.

– Он-то здесь при чём? – с досадой бросил Валька. Сел на твёрдый песок и стал снимать тапочки.

Песок был гораздо холоднее воды.

– Быстро наверх! – повторил Сандро. – Костёр придётся разжигать, сушить тебя. Куда с тобой, с таким мочёным...

– Вот ещё, – хмуро возразил Валька. – Я и был такой. От росы.

– Постой... – Сандро приподнял одну бровь. – А вообще– то, друг милый, ты здесь как оказался?

– Так...

Сандро глянул понимающе.

– Смотался из лагеря, чтобы порыбачить?

«Точно, – обрадовался Валька. – Скажу, что рыбачил. Нет, про удочки спросят. А пускай. Скажу – уплыли».

– Угадал я? – спросил Сандро.

– Я не рыбачил, – сказал Валька. – Я за вами шёл. Просто так.

Барабанщики стояли кругом и разглядывали Вальку с молчаливым сочувствием.

– Зачем? – спросил кто-то.

– Ну... так. Посмотреть, – сказал Валька.

– Чудак! – усмехнулся Сандро. – Прятался-то зачем? Ну, шёл бы и шёл. С нами.

Валька промолчал. Но все смотрели на него выжидающе.

– Я же не знал, – глядя в песок, сказал Валька. – У вас же своё дело. А я кто...

– А кто ты? – спросила длинноногая девчонка и наклонила голову.

– Кто... Никто. Даже не пионер...

– А почему? – спросил Сандро. – Не дорос, что ли?

– Дорос. Я болел, когда всех принимали.

– А потом?

– Что? – не понял Валька.

– Разве потом не могли принять?

– Не знаю... Никто не говорил.

– А ты сам? – спросил Сандро. Он смотрел на Вальку почти равнодушно. Однако за этим равнодушием скрывался какой– то цепкий интерес.

Валька его чувствовал, но не понимал. Это ещё больше смущало его.

– Сам? Не знаю... – неловко сказал он.

– Что ты не знаешь? – с неожиданной досадой бросил Сандро. – Не знаю, не знаю!.. Откуда вы такие берётесь, незнающие?..

Валька поднял глаза.

– Я думал, так нельзя, – сказал он. – Разве можно просить об этом самому?

– А-а... – протянул Сандро.

Валька смотрел на него и чего-то ждал.

– Ясное дело, – сказал Сандро. – А может быть, тебя в лагере принять в пионеры?.. Чтобы ты ходил, не прячась за кустами.

– В лагере? А можно?

– А чего ж... Если отряд решит, то, наверное, можно...

– А вы? – тихо произнёс Валька.

– Что – мы?

– Вы, отряд... – не то спросил, не то просто сказал Валька. И снова опустил голову. Он понял, что краснеет, как девчонка. Ведь проснувшись в нём надежда была просто смешной.

Сандро молчал. Барабанщики тоже молчали.

– Ну, знаешь... – сказал Сандро немного растерянно. – Нельзя же так сразу.

– Да я понимаю, – прошептал Валька.

– Нельзя так, – уже уверенней повторил Сандро. – Мы же всего пять дней в лагере. – И добавил уже с усмешкой: – Откуда мы знаем, что за человек Валька Бегунов!

– Да, – сказала длинноногая девчонка и склонила набок голову. – Действительно. Какой ты человек?

Валька пожал плечами.

– Обыкновенный человек, – вдруг сказал Генка Соловьёв. – Как все. Мы с ним в одной палате, кровати рядом. Он мне сатурновскую батарейку для фонарика дал.

– Подумаешь, батарейку дал! – сказала девчонка.

– А ещё в тетрадке что-то всё время рисует, – серьёзно добавил Соловьёв.

– Не в тетрадке, а в альбоме, – хмуро поправил Валька. – И не всё время.

– Ну в альбоме, – согласился Генка. – Я один раз хотел посмотреть, а он как двинет подушкой...

Валька глянул на него исподлобья.

– Сам же под руку полез.

– Ага, – сказал Генка.

Длинноногая девчонка прищурилась и потребовала:

– Пусть расскажет биографию.

Это была, конечно, шутка. Но никто, совсем никто почему-то не засмеялся. Все стояли и молчали, будто это было всерьёз.

– Ребята, – сказал Валька, – ну, я... в пятый класс перешёл. Вот...

– Маму и папу слушаешь? – с тонкой улыбкой спросила девчонка и опять наклонила голову.

Сандро быстро обернулся.

– Катерина, – ласково сказал он, – я понял теперь, почему Бревнов бил тебя барабаном. Потом снова посмотрел на Вальку.

Может быть, он что-то решал?

Может быть, он думал: будет ли плохой человек подниматься до зари, чтобы взглянуть, как барабанщики встречают солнце?

– Сандро, – позвал кто-то за спиной у Вальки. – Мы ведь правда отряд...

– Джаз-оркестр, а не отряд, – сказал Сандро. – Даже сомкнутым строем стоять не умеете. Тогда все заговорили разом. Об одном и том же:

– Кому он нужен, этот сомкнутый строй!

– В нём локтями не двинешь!

– А ты сам-то его любил, когда был барабанщиком?

– Мы кто? Гвардейцы её величества? При этом неожиданном и непонятном споре они забыли о Вальке и кольцом обступили Сандро.

И вдруг замолчали. Разом. Словно встревоженные чем-то.

Валька услышал в кустах пёструю разноголосицу птиц.

Барабанщики поворачивались к Вальке. Он стоял на том же месте, мокрый, исцарапанный, с раскисшими тапочками в опущенных руках. Капли падали с тапочек и оставляли на твёрдом песке следы, похожие на крошечные лунные кратеры.

– Однако... – проговорил Сандро.

Валька резко поднял голову. «Я пойду», – хотел сказать он.

Они стояли широким полукольцом – барабанщики-сигналисты, барабанщики отрядов, барабанщики знаменосной группы. Самый маленький, с эмалевой звёздочкой на рубашке, смотрел на Вальку широкими серыми глазами.

– Три человека пусть займутся костром, – сказал Сандро. И негромко спросил у Вальки: – Обещание знаешь?

Валька вздрогнул, вытянулся. Проглотил комок и кивнул.

В половине девятого лагерь выстроился на утреннюю линейку. Председатель совета дружины – неторопливый очкастый Серёга Лавров – остановился перед старшей вожатой.

– Отряды к подъёму флага готовы. Настроение бодрое, – сообщил он. – Происшествий нет. На рассвете сводный отряд барабанщиков принял в пионеры Вальку Бегунова. Рапорт сдан.

Вожатая смотрела на него удивлённо и вопросительно, готовясь что-то сказать. Но Лавров, невозмутимо блестя очками, уже опустил поднятую для салюта руку.

– Не Вальку, а Валю, – сказала вожатая. – Рапорт принят. Вольно.

Рассвет. Андрюшка

Валька проснулся от боли. Во сне он прижал щекой палец и стянул с него бинт.

Боль была не такая, как вчера. Она теперь не жгла, а словно разъедала. Валька осторожно коснулся пальца подбородком. Почувствовал влажный лоскуток лопнувшей кожи и поморщился. Он торопливо нащупал на подушке трубочку бинта и, чуть дыша, протолкнул в неё палец. Боль стала успокаиваться, но ещё давала себя знать мягкими затихающими толчками.

Валька передохнул и повернулся на спину.

Окна были тёмными. Сквозь просветы в ледяных узорах Валька видел звёзды. Каждая звезда висела в середине холодного туманного пятнышка.

«Часов семь, – подумал Валька, – или полвосьмого».

Он сосчитал до трёх, сбросил одеяло и прошлёпал к столу. Нашупал кнопку грибка. От неожиданного света окна сделались блестящими и непрозрачными, как чёрная клеёнка. Только по краям зеленовато искрились морозные разводы.

За тонкой стенкой зашевелился отец.

– Валька, ты уже? Спал бы...

Валька взглянул на будильник.

– Скоро восемь. Папа, я на колонку...

Это была его обязанность. Вернее, привычка. Он каждое утро приносил два ведра воды. Правда, наливал их не доверху: ведра были большие и, кроме того, тащить их приходилось в растопыренных руках, чтобы ледяная вода не плескала в валенки. Когда Валька добирался до крыльца, руки и плечи у него просто стонали. Но он всё равно любил эти водяные прогулки.

Вальке нравились неяркие зимние рассветы. Снег и небо в это время были очень синими, а дома казались чёрными, и в них светились квадраты разноцветных тёплых окон.

Стараясь не грохнуть ведрами. Валька выбрался в сени. Синее утро уже просачивалось в щели. Валька вздохнул и закашлялся: резкий холодный воздух оцарапал лёгкие. В сенях вкусно пахло зимой: снегом, смазанными лыжами и мёрзлым выстиранным бельём, которое было развешено под потолком.

Валька отбросил крючок и толкнул дверь. Он увидел сиреневый снег, чёрные ветви над забором, а левее – тёмные громады новых домов. В сумерках казалось, что дома стоят не за дорогой, а прямо перед Валькой. Они сливались с забором. Окна горели редко: было воскресное утро и во многих квартирах ещё спали.

А Вальке спать совсем не хотелось! Он поставил ведра на крыльцо и двумя пинками сбросил их в снег. Тра-тара-ра! Бах!

Нынче солнце встаёт очень рано,
Нынче день будет длинный и ясный.
Ты послушай – гремят барабаны,
А они не проснутся напрасно!

Солнце в декабре встаёт совсем не рано. Просто Валька чувствовал: будет хороший денёк.

Над крышами больших домов небо начинало светлеть, и антенны телевизоров прорисовывались в нём чёрными штрихами. Они были похожи на модели планеров, ещё не обтянутые бумагой.

– Только попробуйте улететь! – сказал им Валька. Подхватил ведра и вышел за калитку.

Колонка находилась в конце квартала. Она торчала у синей снежной дороги и была похожа на озябшего карлика с фантастически длинным носом и в матросском берете с помпоном. Обычно карлик скучал в одиночестве: почти во всех соседних домах был водопровод.

Но сегодня рядом с колонкой Валька увидел закутанного человечка. Малыш повесил на кран ведро и копошился у рычага.

– Андрюшка, – сказал Валька.

Валенки малыша скользнули по выпуклой наледи, которая окружала колонку. Он выпустил рычаг, покачнулся и встал прямо.

– Не работает, – объяснил он. – Видишь, Валька, я нажимаю, а вода не бежит.

Валька лёг животом на рычаг. Лязгнуло железо, и на этом дело кончилось.

– Вот видишь, – озабоченно повторил Андрюшка.

– Подожди, – сказал Валька.

Колонка начала мелко вздрагивать. Отозвалась булькающим кашлем. Потом в ней захрипело, заклокотало, и вдруг упругая струя грянула по ведёрному дну.

Полведра набралось в три секунды. Валька выпрямился, и рычаг скакнул вверх. Колонка обиженно фыркнула, погудела и успокоилась. Валька сказал:

– Такой у неё характер.

Андрюшка взглянул на колонку с уважением и потянулся к ведру.

– Подожди, сниму, – сказал Валька. – Утащишь столько?

Андрюшка приподнял ведёрко.

– Я больше могу.

– Хватит, – решил Валька. – Тебе же на третий этаж тащить. – И спохватился: – Андрей! А ведь у вас же водопровод!

– Да... водопровод, – как-то нерешительно сказал Андрюшка. – Он только булькает, а из крана пузыри идут. А умыться ведь надо. И чай кипятить. Много надо.

– А кроме тебя, никого нет, чтобы воды принести?

– Есть... А я ведь тоже есть.

– Ну ещё бы. Ты, конечно, есть... Да оставь ты пока ведро!

Андрюшка послушно опустил ведёрко и выжидательно глянул на Вальку. В меховой шубёнке и большой лохматой шапке он казался полным и неуклюжим. Но Валька-то знал, что в тёплую одежду закутан узкоплечий, худенький первоклассник.

Валька стал наполнять свои вёдра. Он наливал воду почти доверху. Что же было делать? Не тащить же при Андрюшке по полведра...

– Пойдём, – сказал он.

– Куда?

– Ну, не куда-то. Сам же говорил: умыться надо, чай кипятить. Вот и будете кипятить.

– Ну, Валька... – без всякой радости проговорил Андрюшка. – Не надо. Я сам.

– Ты сам, а я тоже сам. Хуже тебе, что ли?

Андрюшка две секунды размышлял. И вдруг обрадовался:

– Правда, пойдём! Ты и я. – Он словно о чём-то вспомнил или что-то задумал. Но было ещё не очень светло, и Валька не разглядел его лица.

От колонки до Андрюшкиного дома столько же, сколько до Валькиного. Но вёдра – то были почти полные. Руки просто чуть не оторвались. Левое ведро зацепилось кромкой за штанину, и вода ледяным языком скользнула за голенище валенка. Валька зашипел от досады и холода.

– Что? – спросил Андрюшка, не оглядываясь. Он усердно тащил своё ведро вперёд.

– Ногу промочил, – буркнул Валька.

– Я тоже, – утешил Андрюшка.

Пока Валька по одному втаскивал вёдра на третий этаж, Андрюшка терпеливо ждал у двери. Дождался и толкнул дверь плечом.

– Мама, я пришёл! И ещё Валька пришёл!

Вальке стало неловко: будто в гости напросился.

Раньше он приходил сюда только два раза, и тогда никого, кроме Андрюшки, в квартире не было. А его родителей Валька видел лишь издали, на улице.

Он поставил вёдра в маленьком, ярко освещённом коридоре и подумал, что хорошо бы теперь сбежать. Но без вёдер не сбежишь.

– Валька пришёл! – вновь жизнерадостно сообщил Андрюшка.

– Не труби ты, – прошептал Валька. Из комнаты шагнул Андрюшкин отец. У него были лохматые брови, большой лоб с залысинами и широкий, какой-то удивительно добрый подбородок. Человек этот сказал смеющимся голосом:

– Хороший день начинается с хороших гостей. Здравствуй, Валентин. – Он протянул большую ладонь.

Валька зубами сдёрнул застывшую варёжку и неловко подал руку.

– А это что? – Андрюшкин отец увидел вёдра.

– Вода, – тихо сказал Валька. И подумал, что всё получилось глупо. Обошлись бы и без его помощи.

– Ага... – протянул отец. – Ну конечно... – И спохватился: – Пошли в комнату! Светлана, смотри...

– У меня валенки мокрые, – попробовал сопротивляться Валька. – Я лучше...

Договаривать не стоило, потому что он уже стоял в комнате. И внимательными Андрюшкиными глазами на него смотрела совсем молодая Андрюшкина мама.

– Наконец-то! – сказала она. – А то мы каждый день слышим разговоры о таинственном Вальке и никак не можем на него посмотреть.

– Какие разговоры? – слегка обалдело начал Валька и умолк. Сообразил, что следовало бы для начала сказать «здравствуйте». Но теперь здороваться было уже смешно.

Его выручил Андрюшкин отец.

– Разговоры всё одни, – весело объяснил он. – Валька сказал, Валька обещал, надо у Вальки спросить... Приворожил ты нашего доброго молодца, как Марья-царевна. Кстати, чего он там возится?

Валька выглянул в коридор. «Добрый молодец» сидел на полу и тянул с ноги промокший чулок. Чулок тянулся медленно и потому казался бесконечным.

– Тебя отец зовёт, – мрачно сказал Валька. Андрюшка пружинисто поднялся. Снятый наполовину чулок потянулся за ним к двери и оставил на полу длинную сырую полосу.

– Ты что же это? – упрекнул отец. – Пригласил человека и бросил.

Андрюшка устроился на стуле.

– Валька, ты садись, – попросил он. – Ну, Валька... Ты разденься и садись. Я сейчас.

Он снова потянул чулок, но теперь почти не спуская с Вальки глаз. Только изредка и быстро поглядывал на отца и мать. Словно спрашивал: «Ну, как вам нравится мой Валька?» Потом деловито сказал:

– Мы с ребятами будем крепость строить. Валька, ты нарисуешь? Надо план.

– Да ладно... дома, – ответил Валька и глянул украдкой под ноги: слишком ли заметные следы оставляют валенки?

– Рисуеть ты очень неплохо, – серьёзно заметила Андрюшкина мама. Валька насторожился.

– Андрей наш вообще заявляет, что ты настоящий художник, – объяснил отец. – Видишь, и рисунок твой вывесил на самом видном месте. Хороший портрет.

Валька взглянул на стену и охнул про себя.

На розовой штукатурке, над маленькой Андрюшкиной кроватью, висел альбомный листок. Он был закрыт стеклом и окантован полосками синей бумаги. Будто эскиз или гравюра настоящего художника. На листке был Андрюшка.

А живой Андрюшка сидел на стуле и с удовольствием поглядывал то на Вальку, то на свой портрет.

«Обор-р-рмот, – подумал Валька. – Устроил тут выставку!»

Если бы он знал про такое дело, ни за что бы не отдал рисунок.

Валька снова бросил взгляд на листок. Да, а нарисовано было, пожалуй, неплохо. Валька теперь это видел. Ведь он смотрел на свою работу свежими глазами, словно посторонний человек. Потому что рисовал Андрюшку он очень давно – четыре месяца назад. В августе.

Август. Песчаный город

Август начинался плохо. Валька приехал из лагеря и затосковал.

Лагерь был большой, в нём отдыхали ребята из разных городов области. Теперь они разъехались кто куда. Несколько человек из отряда жили где-то на другом конце, на незнакомых Вальке улицах.

Чтобы не беречь душу. Валька срезал с рукава синий треугольник с вышитыми барабанными палочками.

Он решил навестить своих одноклассников, ребят из бывшего четвёртого «А». Зашёл к одному – тот с родителями на юге. Постучался к другому – тот на даче. Третий читал какую – то книжку про полёт на Венеру. Поднял на Вальку непонимающие глаза, поморгал и сказал с вежливым зевком:

– А, Бегунов! Привет. Ты теперь не в нашей школе будешь?

– В новой, – чуть виновато объяснил Валька. – Она ближе. Я не хотел, а родители переехали.

– Всё равно, – лениво сказал бывший одноклассник и опять зевнул. – От нашего класса ничего уже не осталось. Половина – по новым школам, половина – по другим классам...

– Ну, пока, – вздохнул Валька.

– Ага... Пока.

Одиночество – как болезнь.

Конечно, Валька не сидел целыми днями с постным лицом и не вздыхал, как паровоз. В кино ходил, книжки читал, на соседний пруд бегал, потому что август стоял на редкость жаркий.

Валька выходил во двор, прыгал через забор и шёл бродить среди новых домов. Эти пятиэтажные корпуса с трёх сторон обступили старый деревянный квартал. Когда Валька уезжал в лагерь, почти все они были пустые. А сейчас в них жили.

Во дворах и на соседнем пустыре ещё не были убраны кучи битого кирпича, обрезки труб и расколотые бетонные блоки. Незнакомые ребята целыми днями что-то строили из обломков.

Самым старшим из этих строителей было лет по шесть или семь. Других ребят, повзрослее. Валька ни разу не встретил, а лезть в малышовые игры было неудобно.

Валька уходил на заросший бугор за пустырь, ложился в траву и смотрел на дома. Они были ярко-розовые, зелёные, светло-коричневые – расчерченные белыми клетками и разноцветными полосами. Пёстрые, прямо сказочный город.

Шумела трава, а вдалеке ровно и неумолимо, как барабанщики, били пневматические молотки.

Валька привык быть здесь один. Два раза он даже приносил сюда альбом. И он очень удивился, когда его потревожили. Нарочно потревожили. Он лежал в траве, когда услышал шелестящие шаги и увидел перед собой маленькие пыльные сандалеты. Валька поднял голову.

Над ним стоял Андрюшка.

Валька уже тогда его знал. Не очень хорошо, а так, по имени. Потому что Андрюшка жил в доме, который заселили ещё весной. Но никогда никаких дел с Андрюшкой Валька не имел, даже не разговаривал. Какие у них могут быть дела и разговоры!

– Валька, – сказал Андрюшка, – помоги нам утащить доску.

У него были светло-коричневые, какие-то золотистые глаза. Смотрел он прямо и доверчиво, будто всё так и нужно. Будто Валька сию секунду вскочит и неизвестно зачем куда-то что-то потащит.

– Какую доску? – нелюбезно спросил он.

– Обыкновенную тяжёлую доску, – терпеливо объяснил Андрюшка и развёл маленькие ладони. – Вот такую широкую. Мы её под кирпичами раскопали, но она сырая и тяжёлая.

– Вы раскопали, а я должен тащить её, сырую и тяжёлую, – уточнил Валька. – Так?

– Ты с одного конца, а мы с другого, – сказал Андрюшка. Видно, не понял он Валькиного ехидства и смотрел всё так же – открыто и доверительно. Только нетерпеливо шевельнулись плечи, – Ну, Валька, встань... Ну пожалуйста.

Ровно и напряжённо стучали пневматические молотки. На руках у Андрюшки были длинные белые царапины.

Валька встал.

– Зачем вам доска?

– Для парохода.

Пароход был устроен просто: низенькие борта из фанерных обломков, помятый обрезок водосточной трубы посередине, длинная палка с перекладиной – мачта. Не хватало только палубы и руля.

Доску положили внутри бортов на кирпичные подставки. Она прогибалась и покачивалась, будто настоящая палуба расшатанного парусника. Велосипедное колесо для штурвала принёс Павлик – удивительно тихий семилетний мальчик.

– А вечером будут сигнальные огни, – тихонько сообщил Андрюшка. Он словно делился с Валькой секретом в благодарность за помощь. – У нас батарейка есть и две лампочки.

– Сигнальные огни бывают цветные, – заметил Валька. – С одной стороны зелёный, с другой – красный.

– Цветных нет, – со вздохом сказал Павлик.

– Где их возьмёшь, цветные-то... – мрачно произнесла коротко стриженная девчонка Ирка.

– Может быть, выкрасить лампочки? – задумчиво спросил Андрюшка и с ожиданием стал смотреть на Вальку.

Если бы они строили какую-нибудь ерунду и если бы Валька был чем-нибудь занят... Но они строили корабль. А Валька всё равно томился от безделья и одиночества. Он сказал:

– Пойдём.

Он привёл Андрюшку домой и выволок из-под кровати картонную коробку. Стёкла в коробке тревожно и тонко задребезжали.

– Ох... – шёпотом сказал Андрюшка. Солнце вместе с ним заглянуло в коробку, и разноцветные пятна разлетелись по потолку, словно большие бабочки.

Стёкла были разные: маленькие, как прозрачные леденцы, и большие, с Валькину ладонь.

– Это твои? – изумлённо спросил Андрюшка. – Тебе их кто дал?

– Сам собрал, – небрежно сказал Валька. – Когда ещё маленький был.

Он врал. Он собирал их в прошлом году. Из этих стёкол он хотел сложить картину, вроде тех, которые давным-давно делал Ломоносов. Валька прочитал о стеклянной ломоносовской мозаике в какой-то книжке, и его фантазия разыгралась. Но стеклянные осколки не держались в пластилиновом переплёте, и Валькина затея рассыпалась. А стёкла Валька пожалел, не выбросил...

Андрюшка стоял перед коробкой на коленях. У него было очень серьёзное лицо. Словно он увидел не цветные стёклышки, а разбитую и сыпанную в коробку радугу. Валька выбрал ему две стеклянные пластинки – рубиновую и ярко-зелёную.

– Вот вам для сигналов. Хватит?

– Хватит...

Валька ногой задвинул коробку под кровать

– Пойдём.

Андрюшка послушно поднялся. У дверей он оглянулся, но разноцветные бабочки уже улетели с потолка...

Три вечера подряд в большом дворе светились сигнальные огни парохода и кипела шумная морская жизнь. Валька иногда садился в сторонке на расколотую бетонную балку и слушал, как Андрюшка отдаёт команды. Команды были смешные, а голос вовсе не капитанский, но экипаж судна подчинялся.

Валька не понимал, почему капитаном выбрали Андрюшку. Почему именно его, а не задиристого Тольку Сажина, или не громкоголосого Юрку, или, в конце концов, не Ирку-скандалистку. Андрюшка редко бегал, не суетился и никогда не кричал. И если даже случалось что-то очень важное, он не подпрыгивал и не орал, а рассказывал неторопливо и негромко. Не всем сразу, а кому-то одному.

Почему же его сделали капитаном? Из-за костюма, что ли?

Андрюшка носил тогда матросский белый костюмчик с голубым воротником и алым якорем на кармашке. А под матроску он, несмотря на жару, натягивал ещё настоящую тельняшку. Тельняшка была не очень широкая, но длинная. Внизу она выползала из коротких штанов большими полосатыми языками. Андрюшке приходилось каждую минуту заталкивать их обратно, и он тратил на них уйму времени. Но и в этом случае не терял спокойствия.

Когда пароход шёл к дальним берегам, Андрюшка стоял на палубе, чуть расставив ноги и обняв себя за плечи. Он покачивался на упругой доске и негромко ронял краткие распоряжения.

Валька таким и нарисовал его. Только уже не на палубе.

Он изобразил Андрюшку над его владениями. Владения лежали у маленьких стоптанных сандалет и назывались Песчаным городом.

Правильнее было бы сказать: Песочный город, но это звучало бы плохо. Будто песочный торт или песочное печенье.

И назвали его Песчаным.

Город появился после того, как был израсходован запас батареек для сигнальных фонарей и пропала корабельная мачта. Кто-то унёс её, чтобы сделать антенну для телевизора.

Утром к Вальке пришёл Андрюшка. Нерешительно встал у открытой двери.

– Ты чего? – спросил Валька. Андрюшка помолчал и негромко сказал от порога:

– Здравствуй, Валька... Знаешь что. Валька? Те твои стёкла тебе зачем?

Валька посмотрел на него с интересом:

– А тебе?

Андрюшка теребил выползший язык тельняшки.

– Там песок привезли... Ночью дождик был, песок теперь мокрый. Можно город построить, – задумчиво сказал он. – С разноцветными стёклами был бы хороший город.

Стёкла Вальке были ни к чему. Просто он привык, что они есть. Такие прозрачные, яркие, как разноцветные огоньки. Стало немного жаль.

– Мы поиграем и отдадим, – вдруг пообещал Андрюшка. – Мы не потеряем.

– «Отдадим»... – проворчал Валька. – Не смей... Тащи их из-под кровати.

От радости Андрюшка потерял выдержку. Подскочил к Валькиной кровати и поспешно брякнулся на пол – коленки и локти словно деревяшки стукнули о половицы. Он вытянул коробку, и разноцветные бабочки взлетели к потолку.

– Можно всё взять? – шёпотом спросил Андрюшка. Золотистые глаза его сияли.

– Можно.

У калитки Андрюшку ждала вся компания:

Павлик, Юрка, Толька Сажин, Ирка-скандалистка и два пятилетних малыша.

Андрюшка сошёл с крыльца и оглянулся на Вальку: «Пойдёшь?»

Валька немного подумал и пошёл.

Конечно, он шагал в стороне от шумной ватаги, и никто не мог сказать, что ему. Вальке Бегунову, захотелось повозиться в песке с дошколятами и первоклассниками.

Взрослых не было видно в Андрюшкином дворе. Валька оглянулся и вместе со всеми подошёл к песочной груде. Она была насыпана у стены, в тени, и песок ещё не высох после ночного дождя.

– Это наша Жёлтая гора, – доверительно прошептал Вальке маленький тихий Павлик. – На ней будет город.

– Надо сперва начертить улицы, – сказал Толька Сажин и сосредоточенно сдвинул брови, похожие на чёрные кляксы.

– Надо сперва хоть один дом построить, – заметила Ирка.

– Какой? – сухо спросил Сажин.

– Хоть какой, – глядя в небо, сказала Ирка.

– Ин-те-ресно... – произнёс Толька и поднял левую бровь-кляксу. – Кто это будет строить дом, если никто не знает, где будет улица?

– Интересно, кто это видел улицы без домов? – въедливо произнесла Ирка и сжала губы.

– Увидишь, – пообещал Сажин и прищурился.

– Да ну? – сказала Ирка.

– Ну вы! – встревоженно начал Андрюшка. – Хва... – и не кончил.

Они сшиблись, как всадники на полном скаку, и, сцепившись, рухнули на песок.

Они коротко и зло сопели.

Они вздымали локтями песочные фонтаны и взбрыкивали худыми ногами.

– Вот бешеные, – горестно прошептал Павлик и отступил на два шага.

Стриженный толстощёкий Юрка страшно округлил глаза и заорал:

– Прекратить!!

Всё это случилось в несколько секунд. Валька даже не успел ухватить и раскидать рас- свирепевших архитекторов. Они сами отлетели друг от друга, как резиновые куклы.

Они сидели в двух метрах друг от друга и дышали часто-часто. Ирка прижимала языком разбитую нижнюю губу. Толик осторожно трогал царапину, которая тянулась от уха до подбородка.

– Заработала? – деловито спросил Толька. – Ещё хочешь?

– А ты? – коротко осведомилась Ирка. – Бамбес. – Она хотела сказать «балбес», но мешала губа.

– Кончили? – тихо спросил Андрюшка. Они взглянули на него и разом вздохнули.

Андрюшка отвернулся и объяснил Вальке:

– Каждый день так. Иногда два раза в день.

– Разве так строят города? – с досадой сказал Валька. – Надо же план.

Он разорвал коробку из-под стёкол и карандашным огрызком на куске картона изобразил старинный многобашенный город. Бросил картонку Андрюшке и отошёл подальше.

Он опять устроился на треснувшем бетонном блоке, уже тёплом от солнца.

А на Жёлтой горе шла работа.

Вырастали круглые башни. Ощетинивались зубцами стены. Поднимались купола главного дворца.

Ирка-скандалистка и Толька Сажин выводили арку больших крепостных ворот. Они трудились рядышком, щека к щеке. Толькина царапина припухла и порозовела, а Иркина губа вздулась и повисла, как оторванная подошва. К ней прилипли песчинки. А ворота с башнями по сторонам получились неплохие.

Андрюшка сидел на корточках в самой середине города. Он мостил цветными осколками центральную площадь. Он не просто так покрывал её кусочками стекла, а кажется, хотел выложить какой-то узор. Но узор, видимо, не получался. Андрюшка хмурился и покусывал губу.

Валька мог бы подойти и помочь, но чувствовал, что Андрюшка не обрадуется. Валька знал, как это плохо, если за спиной появляется непрощенный советчик или зритель.

Андрюшка встал, шагнул, как Гулливер, через городскую стену и в раздумье стал смотреть на город.

Он стоял, обняв себя за плечи и наклонив голову. Матросский воротник на правом плече вздыбился до уха. Лицо у Андрюшки было очень сосредоточенное и немного обиженное: «Не получается почемуто...»

Валька взглянул и почти машинально попробовал пальцем остриё карандаша: «Хорош? Годится?»

На куске картона он осторожно вывел контур маленького острого подбородка. Потом легко прочертил две скобки – получилась нижняя губа приоткрытого Андрюшкиного рта. Верхнюю губу Валька наметил одной тонкой чёрточкой. Он знал: лишние штрихи никогда не усиливают сходства. Главное – точность.

Андрюшка стоял не шевелясь. Будто догадывался, что это очень нужно Вальке. А Валька уже несколькими линиями набросал отросшую Андрюшкину чёлку и провёл короткие чёрточки бровей. Нос у Андрюшки совсем простой: Валька поставил над верхней губой маленькую скобку – и всё.

Самое трудное – это, конечно, глаза. Особенно когда их почти не видно в тени ресниц. Валька, чуть дыша, вывел тонкие полумесяцы опущенных век. Аккуратно прочертил уголки глаз. Несколькими точками отметил ресницы. А потом волосяными штрихами прорисовал окружённые светлыми ободками зрачки – так осторожно, словно он был хирург и проводил остриём по живому глазу. Он не мог ошибаться. Ведь у него не было резинки.

И, может быть, хорошо, что её не было. Осторожность помогла Вальке. Он отложил карандаш, взглянул на Андрюшку, потом на рисунок и увидел: похож. Как ни смотри, а похож.

Сходство редко удавалось Вальке, и теперь он очень обрадовался.

Нужно было обязательно закончить рисунок. Карандашик заплясал на картоне. Валька рисовал Андрюшку в полный рост. Тонкая шея, сбитый воротник матроски, мятые штаны, клоч тельняшки, маленькие ладони на узких плечах, сандалета с отскочившим ремешком на правой ноге. Левая нога почти до колена была закрыта крепостной башней.

На остроконечной башне рубиновым светом горел маленький стеклянный осколок...

Взрослые всё чаще проходили недалеко от песочной кучи. С любопытством поглядывали на растущий город, а заодно и на Вальку. Валька встал, сунул картон под рубашку и зашагал домой. Андрюшка посмотрел вслед, но окликнуть, видимо, не решился.

Дома Валька взял резинку и убрал из рисунка всё лишнее. Торопливые короткие штрихи заменил точными лёгкими линиями, и портрет сделался гораздо лучше. Выразительнее.

Валька осторожно перенёс его на папиросную бумагу, а с неё – на альбомный лист. Потом достал чёрную тушь и обвёл карандашные линии тонким пером. Особенно долго он колдовал над лицом Андрюшки, боясь изменить даже самую крошечную чёрточку.

Кажется, вышло как надо.

Маленький тонкий Андрюшка в задумчивости стоял над Песчаным городом. Впрочем, город получился не очень хорошо. Контур крепостных зубцов и башен был слишком ломаным и небрежным. – «Если прорисовать ворота и бойницы, будет лучше», – подумал Валька. Но сделать ничего не успел. Взглянул на часы и охнул: было время обеда, а он ещё не сбежал за хлебом...

Уже после двух часов, когда мама и отец снова ушли на работу. Валька взял альбом. Но распахнулись двери, и без стука шагнул в комнату Андрюшка.

– Валька... Кто-то разломал наш город.

Он сказал это тихо, почти виновато. Но глаза у него были совсем не робкие. Потемневшие. Какие-то требовательные глаза...

Город лежал в развалинах. И площадь, недавно блестящая стеклянными узорами, была перепажана и полузасыпана песком. А по песку, по склонам Жёлтой горы, как следы чудовищного змея– хищника, вились узорчатые отпечатки велосипедных шин.

Все ребята были уже здесь. Горластый Юрка теперь стоял, крепко сжав губы, и колотил себя по колену смятой тубетейкой. Два пятилетних малыша – Витька и Борис – одинаково приоткрыли рты и смотрели на развалины опасно и удивлённо.

Андрюшка опустил на корточки и начал молча выбирать из песка цветные осколки. Потом спросил:

– Валька, теперь тебе их обратно отдать?

– Ну что ты! – торопливо сказал Валька. – Зачем они...

Маленький Павлик неслышно подошёл к Вальке и объяснил:

– Нас позвали обедать, и мы все пошли. А кто– то приехал и всё сломал... Почему?

Валька не знал почему. Он отвёл глаза и посмотрел на Ирку. Ирка– скандалистка молча плакала. Так плачут упрямые мальчишки, когда какая–нибудь беда всё–таки доведёт их до слез. Иркины слезы падали на утрамбованный подошвами песок и оставляли следы, похожие на крошечные лунные кратеры. Валька машинально подумал, что когда–то уже видел такие следы капельных ударов.

Он услышал мягкий шорох тормоза, оглянулся и увидел велосипедиста.

Вернее, сначала увидел лишь колёса. У Вальки хорошие глаза. Он издали разглядел узор на передней шине. «Он», – подумал Валька.

Тогда он посмотрел на хозяина велосипеда.

Это была знакомая личность. Витька Волощук, с непонятным и ласковым прозвищем «Козлик». В прошлом году он учился в той же школе, что и Валька, только не в четвёртом классе, а в пятом.

– Это он, – чуть слышно сказал за спиной Павлик.

Витька, улыбаясь, смотрел на Вальку.

– Привет, Бегунец! Ты разве тут живёшь?

– Это он, – злым шёпотом сказала Ирка. Валька быстро оглянулся. Строители Песчаного города стояли позади почти ровной шеренгой. Они смотрели на Вальку с напряжённым ожиданием. Валька знал, чего они ждут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.